

ЛЮДИ НАУКИ

Лето 1955 года... Научный сотрудник Института геологии Уральского филиала Академии наук, выпускник Уральского университета Георгий Алексеевич Смирнов увлеченно занимался сбором окаменелостей на берегу красавицы Чусовой. Внезапно он почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял голову. Перед ним стоял почтенного возраста, но еще крепкого телосложения крестьянин. Георгий Алексеевич Смирнов вспоминает: «Поздоровавшись, дед завел со мной разговор о том, какая чистая в реке прежде была вода, как много в ней было рыбы... и что сделалось со всем этим теперь... Он так убежденно, заинтересованно и одновременно с болью говорил об этом. В интонации его повествования ясно слышались нотки обвинения и упрека, направленные непосредственно ко мне лично... Я стал ему говорить, что вполне согласен с ним, что все, происходящее сейчас в природе, отрицательно сказывается на жизни и здоровье ныне живущих, но что, хуже того, обязательно скажется на нашем потомстве, но ничего реального в борьбе с этим злом поделать не могу...»

Дело сдвинулось с мертвой точки в феврале 1956 года, когда в «Директивах XX съезда КПСС» появилась строчка: «улучшить работу по охране водных источников, атмосферного воздуха и почвы от загрязнения промышленными выбросами», а в 1957 году при Уральском филиале Академии наук была организована Комиссия по охране природы. Возглавил ее доктор биологических наук Борис Павлович Колесников, а ученым секретарем стал кандидат географических наук Евгений Вениаминович Ястребов. Оба этих ученых тесно связаны с Уральским университетом. Борис Павлович Колесников возглавлял университет в 1963–1968 годах. (Подробнее о жизненном и научном пути Б. П. Колесникова в статье С. А. Мамаева «Б. П. Колесников – российский природовед и энциклопедист» [Известия Уральского государственного университета. 2000. № 15: 42–50].

Автор предлагаемых читателю воспоминаний, Евгений Вениаминович Ястребов, работал в университете в 1951–1955 годах. Три из них он был деканом географического факультета, который в то время считался одним из лучших подразделений университета. Крупный специалист в области истории открытия и изучения природы Урала (его книга «Как были открыты Уральские горы» переиздавалась три раза), Евгений Вениаминович обошел всю страну от гор Тянь-Шаня до Камчатки. Но особенно нежно любил родной Екатеринбург. Предметом его особенной гордости был дуб, посаженный на территории усадьбы Ястребовых более 120 лет назад прадедом Евгения Вениаминовича. Это самый старый и большой дуб в Екатеринбурге. Хочется надеяться, что память о людях, которые стали героями мемуаров Е. В. Ястребова, будет также долговечна, как этот «патриарх лесов».

В. А. Мазур,
зав. музеем истории
Уральского государственного университета

Е. В. Ястребов

**О БОРИСЕ ПАВЛОВИЧЕ
КОЛЕСНИКОВЕ И ПЕРВЫХ ШАГАХ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ
ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ
ПРИ УРАЛЬСКОМ ФИЛИАЛЕ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Комиссия по охране природы при Уральском филиале Академии наук (УФАН, ныне – Уральское отделение Российской Академии наук) была создана 25 марта 1957 года. Председателем ее стал возглавлявший в ту пору УФАИ доктор технических наук Николай Васильевич Деменев*, заместителем его – доктор биологических наук, заведующий лабораторией лесоведения при Институте биологии УФАИ Борис Павлович Колесников. Нужно сказать, что Деменев лишь формально числился председателем комиссии, а Колесников, хорошо понимавший задачи созданной организации, сразу серьезно взялся за работу и вскоре стал ее официальным руководителем. Проблемы охраны природы и рационального природопользования он считал очень важными. Эти проблемы, как он позже говорил мне, интересовали его и на Дальнем Востоке, где он прежде жил и работал.

Одним из первых дел Комиссии было совещание по проблемам охраны природы на Урале с приглашением на него представителей учреждений и организаций из разных городов и регионов Урала. Оно состоялось в Ильменском заповеднике 26–28 сентября 1958 года. Я был в числе его участников.

На совещание собралось около 100 человек из научно-исследовательских институтов, учебных заведений, музеев, заповедников, из Центрального совета Всероссийского общества охраны природы и озеленения населенных пунктов. Основной проблемный доклад о состоянии и задачах охраны природы на Урале сделал Б. П. Колесников. Текст этого доклада опубликован в книге «Охрана природы на Урале» [Свердловск, 1960. Вып. 1]. Автор наметил три первоочередные задачи:

1. Разработка научных основ охраны природы.
2. Разработка для Урала рациональной схемы заповедников и заказников.
3. Организация действенной пропаганды природоохранительных знаний среди населения.

* Деменев Н. В. (1902–1982) – химик. Доктор технических наук (1948). Председатель Президиума Уральского филиала Академии наук СССР (1957–1961). Специалист в области физической химии дисперсных систем, химии и технологии редких элементов.

Итоговый документ совещания, написанный Колесниковым и дополненный участниками совещания, был принят единогласно. Совещание показало, что собравшиеся в Ильменском заповеднике люди поддерживают инициативу и намеченные Борисом Павловичем меры по охране природы и рациональному природопользованию на Урале.

Руководство заповедником организовало несколько экскурсий, в частности, в радиобиологическую лабораторию Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского*. Этот всемирно известный ученый не только принял участие в совещании, но и гостеприимно встретил гостей в своей вотчине на живописном берегу озера Большое Миассово.

Не могу не сказать несколько слов об этой экскурсии. Николай Владимирович встретил нас широким жестом гостеприимства и незабываемой обаятельной улыбкой. Как сейчас ощущаю его большую мягкую лапу (именно такое слово в данном случае гораздо лучше, чем рука), которой он пожимал руки приехавшим гостям. Когда мы поднялись на второй этаж лабораторного корпуса, Николай Владимирович сказал: «Когда я впервые приехал сюда и вышел на балкон, то был восхищен открывшейся передо мной панорамой. Тогда же я решил, что именно здесь будет моя лаборатория, отсюда я никуда не поеду!»

Тимофеев-Ресовский как полноправный, хорошо знающий свое дело хозяин водил нас по лабораторному дому и возле него, рассказывал о своем оборудовании, о работах и планах на будущее, о своих замечательных помощниках и особенно помощницах. При этом он был похож на полководца, а мы толпились вокруг него, как молодняк, только еще начавший осваивать азы науки. На наши вопросы он отвечал не спеша, простым, элементарно понятным языком.

Продемонстрировал он и свою примитивную деревянную «пушку», вращавшуюся на врытом в землю невысоком столбе. Он сам смастерил этот инструмент для проведения радиобиологических исследований. Говорил, что в мире только две или три подобных «пушки», одна из них, кажется, находилась в то время в Швеции. Видно было, что руководитель лаборатории был доволен прибывшими гостями, наверное потому, что своим приездом мы внесли некоторое разнообразие в его повседневную жизнь в тихой лесной обители.

Не помню, когда и при каких обстоятельствах произошло мое знакомство с Борисом Павловичем Колесниковым, но еще задолго до совещания

Борис Павлович Колесников

* Тимофеев-Ресовский Н. В. (1900–1981) – биолог, один из основоположников радиационной генетики, биогеоценологии и молекулярной биологии. В 1925–1954 годах – работал в Германии. В 1945 году осужден как невозвращенец. В исправительно-трудовом лагере занимался биологическими исследованиями, связанными с использованием атомной энергии (секретная лаборатория в г. Миассе, Урал). В 1955–1964 годах – заведующий отделом радиобиологии и биофизики в Институте биологии Уральского филиала Академии наук СССР.

в Ильменах, может быть даже в 1957 году, мы с ним уже встречались. В те годы я занимал должность доцента на географическом факультете Пермского университета, но часто бывал в Свердловске. При первой же встрече с Колесниковым в Ильменском заповеднике он завел со мной разговор и предложил мне как геоморфологу взять на себя труд по сбору материала и описанию геоморфологических памятников Урала. Я согласился, тем более что такая тема меня увлекала и некоторый материал по ней у меня имелся. Борис Павлович предложил мне также написать небольшую обзорную статью о геоморфологических памятниках на Урале для сборника, который предполагалось издать в недалеком будущем. Статья была написана и опубликована в сборнике «Охрана природы на Урале», упомянутом выше. В дни пребывания в Ильменском заповеднике и начались мои деловые контакты с Борисом Павловичем Колесниковым.

В конце 1958 года я перешел на службу в Горно-геологический институт УФАНа на должность младшего научного сотрудника и переселился в Свердловск. По согласованию с директором этого института, Александром Алексеевичем Прониным*, я должен был приступить к изучению геоморфологии Урала. С большим желанием занялся этим делом. Узнав о моем переезде в Свердловск, Колесников предложил мне, кроме того, занять на общественных началах должность ученого секретаря Комиссии по охране природы. Я не отказался, зная, что штатной единицы ученого секретаря этой комиссии в ту пору не было. Пронин не возражал против такого моего намерения.

Комиссия по охране природы помещалась в здании Института биологии УФАНа, на территории Ботанического сада. В этом же здании находилась лаборатория лесоведения, заведовал которой он же. Небольшое двухэтажное здание института было тесным, и своей комнаты комиссия не имела. Она размещалась в небольшой комнате, где сидели и сотрудники этой лаборатории. Именно здесь мы обычно встречались с Борисом Павловичем, здесь же иногда проходили и заседания комиссии. По этому поводу мы говорили: в тесноте, да не в обиде. Сначала комиссия состояла всего лишь из нескольких человек. Но уже вскоре она разрослась человек до 10–15.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, изредка приезжая из Ильменского заповедника в Свердловск, всегда бывал и в Институте биологии УФАНа, сотрудником которого являлся. Он благосклонно относился к нашей Комиссии по охране природы и к ее председателю Колесникову. Считал своим долгом зайти в нашу комнату. При мне он дважды приходил, но оба раза не совсем удачно – Колесникова не было на месте.

Когда входная дверь открывалась и перед нами появлялся внушительный человек с нежной улыбкой, все сотрудники отвлекались от работы и не могли не ответить такой же улыбкой. Николай Владимирович подходил к каждому и пожимал руку своей, как я уже говорил, мягкой лапой. Все тут же забывали о своих научных делах, и комната как бы оживала от нео-

* Пронин А. А. (1910–1978) – геолог. Доктор геолого-минералогических наук (1953). Директор Института геологии и геохимии Уральского филиала Академии наук СССР (1956–1961). Мировую известность получили его исследования по периодизации тектонических движений в планетарном масштабе как по континентам суши, так и по акватории Мирового океана. А. А. Пронин дал количественное обоснование единого ритма колебательных движений, охватывающих всю поверхность Земли.

жиданно появившегося гостя. Вспоминая эти минуты сорокалетней давности, я думаю: не обладал ли этот человек каким-то особым природным даром так влиять на окружающих?

Хотя председателя нашей комиссии и не было на месте, это не мешало Тимофееву-Ресовскому посидеть с нами минут пять, а то и больше и, как он говорил, немного отвлечься от постоянных забот и отдохнуть. Я рассказал ему о новостях в нашей комиссии и, в частности, о выходе в свет первого сборника «Охрана природы на Урале». Подарил ему такую книгу. Он полистал и сказал: «Вот это уже результат. Молодцы!». Позже, при появлении Колесникова, я сказал ему о визите Тимофеева-Ресовского. Борис Павлович был огорчен, что не удалось с ним повидаться. Однако через день или два в главном здании УФАНа, во Втузгородке, они, по словам Колесникова, «наговорились вдоволь».

Одна из задач нашей комиссии в первые годы ее существования заключалась в сборе сведений о ценных в научном и эстетическом отношении участках, в частности памятниках природы. Невольно возникали вопросы: какие природные объекты следует считать памятниками природы? Надо было продумать классификацию памятников. Нужны были инструкции по описанию объектов, а мы их не имели. Вопросов и проблем возникало немало. Приходилось самим составлять необходимые, хотя бы самые элементарные, пособия.

Колесников обратился к специалистам разных отраслей знаний с просьбой составить краткие инструкции по описанию и изучению памятников природы – геологических, геоморфологических, геоботанических, гидрологических и других. Я написал «Краткую инструкцию по описанию геоморфологических памятников природы» объемом 13 машинописных страниц. Она состояла из трех разделов:

- 1) пещеры;
- 2) береговые скалы (утесы);
- 3) скалистые останцы (шиханы).

Борис Павлович, ознакомившись с ней, вложил ее в дела комиссии. Не помню, были ли при мне написаны другие подобные инструкции. Если да, они также должны храниться в делах комиссии.

Борис Павлович постоянно пытался поддерживать связи как с сотрудниками Уральского филиала Академии наук, так и со специалистами из других научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений, а также с другими людьми, имевшими отношение к изучению природы и к природопользованию на Урале. Из числа наших активных помощников упомяну Зою Михайловну Балабанову, Николая Карловича Дексбаха, Георгия Николаевича Папулова*, Владимира Николаевича Павлинина.

В делах комиссии постепенно стал накапливаться материал о природных объектах Урала, имеющий ценность в научном, познавательном и эстетическом отношении. В основном он был по Свердловской области. Неплохо работали природоведы Пермской области, хуже – в Челябинской области. А в Уфе, при Башкирском филиале Академии наук СССР, име-

* *Папулов Г. Н.* (р. 1914) – геолог. Выпускник Уральского университета (1937). Доктор геолого-минералогических наук (1972), профессор (1979). Заместитель директора Института геологии и геохимии Уральского научного центра по научной работе (1952–1972). Специалист в области стратиграфии мезо-кайнозоя Урала, Зауралья, Западной Сибири.

лась своя комиссия по охране природы. Борис Павлович однажды высказал мысль о том, чтобы свердловскую комиссию по охране природы сделать центральной, или главной, а Уфимскую – ее филиалом. Уфимцы ответили на такое предложение категорическим отказом.

Все дела нашей комиссии в ту пору умещались в нескольких папках. Это были протоколы заседаний, прочая служебная документация, переписка, а также статьи для готовившихся к изданию сборников. Писем в первые годы деятельности комиссии поступало немного. В основном это были ответы на письма председателя комиссии Колесникова или на мои – как ученого секретаря. Здесь же были копии запросов по тем или иным служебным делам. Были и письма совершенно незнакомых людей. Кто-то сообщал о загрязнении рек, протекавших возле их населенного пункта, кто-то жаловался на оскудение пушного зверя. Иногда писали по такому адресу: Свердловск, Академия наук. В канцелярии УФАНа вскрывали письмо и пересылали в нашу комиссию.

Борис Павлович непременно сам читал всю поступавшую корреспонденцию. Обычно сам и решал вопрос о дальнейшем ее использовании. Иногда советовался со мной: как бы Вы поступили в данном случае? Или: как Вы думаете, что можно ответить на это письмо?

Думали вместе. Потом он сам тут же писал краткий ответ и просил меня отправить его корреспонденту. Иногда просил меня написать ответ.

Колесников не раз обращался к членам комиссии, к сотрудникам лаборатории лесоведения, к другим природоведам с просьбой публиковать в печати статьи природоохранительного содержания, а также передавать комиссии неопубликованные рукописи. Такие статьи время от времени появлялись в местной печати. Я, конечно, не могу вспомнить такие публикации других авторов. А моя статья «Памятники природы на реке Чусовой» была опубликована в журнале «Уральский следопыт» за 1961 год (№ 5). Кроме того, мною была передана в дела комиссии статья «Геоморфологические памятники природы Среднего Урала как объекты научных экскурсий студентов и школьников» объемом 35 машинописных страниц. Поступали к нам в комиссию рукописи и публикации других авторов. Все они хранились в отдельной папке.

По инициативе Б. П. Колесникова комиссия стала издавать сборники под названием «Охрана природы на Урале». Недостатка в статьях мы не ощущали; наоборот, полученных от авторов статей было больше, чем можно было включить в утвержденный листаж. Все поступавшие статьи Борис Павлович читал сам, но просил членов комиссии дать и свое заключение. Первый такой сборник вышел в свет в 1960 году.

В сборниках публиковались также сравнительно небольшие статьи информационного содержания под заголовком «Материалы к инвентаризации памятников природы Урала». Автором большинства из них был Колесников. Однажды в связи с занятостью он просил меня написать очередную такую статью, что я и сделал. Борис Павлович добавил то, что считал нужным, и свою фамилию, как соавтор, поместил после моей. Я напомнил ему, что в алфавите буква «К» находится раньше, чем буква «Я», и что его занимаемая должность выше моей. Он ответил: «Это не имеет значения. Вы писали статью, а я только дополнил ее, поэтому пусть Ваша фамилия будет первой, а моя – второй». Этот, в общем-то, рядовой эпизод свидетельствует о тактичности и порядочности Бориса Павловича. Наша совме-

стная с ним статья опубликована в сборнике «Охрана природы на Урале» [Свердловск, 1962. Вып. 3.].

Однажды по предварительной договоренности к Колесникову пришла группа незнакомых мне краеведов из Свердловской области. Было это, если не ошибаюсь, осенью 1959 или 1960 года. Рабочий день близился к завершению, и Борис Павлович предложил сотрудникам своей лаборатории раньше времени закончить работу и идти по домам, чтобы за их столами разместить людей. Я присутствовал на состоявшейся беседе, длившейся часа полтора. Речь шла о безобразиях и даже о варварском отношении к природе в районе Нижнего Тагила, Асбеста и в других районах области. Приехавшие приводили конкретные приметы слива загрязненных и даже отравленных промышленных отходов в реки, об уничтожении реликтовых лесных участков и т. п. По всему было видно, что чаша терпения у людей переполнена негодованием в адрес так называемых природопользователей. Либо они совершенно не разбираются в том, что творят, либо делают это умышленно. Люди просили помощи от нашей комиссии. Колесников предложил краеведам изложить на бумаге приведенные факты, чтобы составить документ, с которым можно было бы обратиться в соответствующие инстанции. Это было тут же сделано.

Спустя несколько дней Борис Павлович завел со мной разговор о состоявшейся беседе. Я высказал свои соображения, и в этом отношении наши с ним мысли совпали. Они свелись к следующему: проблема рационального природопользования – одна из важнейших проблем человечества. Чтобы ее решить цивилизованно, необходимо в корне менять принципы хозяйствования не только на Урале, но и во всей стране. Такие природопользователи, как предприятия горно-рудной промышленности, гидростроители, лесозаготовительные организации и другие, выполняют распоряжения и планы, утвержденные свыше. При этом их совершенно не заботит то обстоятельство, что при нарушении условий нормального существования и развития природы последняя истощается и погибает. В результате сколько же ценных и даже уникальных объектов природы при этом уничтожается!

Мы понимали, что созданная при УФАНе Комиссия по охране природы была мизерной научно-исследовательской единицей по сравнению с всемогущими промышленными и прочими предприятиями и что такие природопользователи даже не знают о ее существовании. Наша комиссия была создана не для борьбы с безграмотными природопользователями (таких прав мы не имели), а для того, чтобы научно обосновать и рекомендовать разумное природопользование.

Борис Павлович, глубоко вздохнув, сказал, что мы – пока еще слабая сила против могущественных врагов природы, и добавил: «И все-таки начинать надо. Это лучше, чем ничего не делать, а справедливость со временем должна взять верх».

Недели через две Колесников сказал мне, что обращался в Свердловский областной Совет депутатов трудящихся и в областной комитет партии по фактам, высказанным краеведами. Начальство обещало разобраться. Позднее выяснилось, что закончилось это обращение практически ничем – обещали разобраться на местах. Никакого ответа по этому делу в Комиссию по охране природы не поступило. Это означало – концы в воду. Закономерный и типичный для того времени результат решения важнейшей проблемы!

Как я уже писал, моя основная работа проходила в Горно-геологическом институте УФАНа. Летом 1959 года я выехал с двумя помощниками на грузовой машине на Южный Урал сроком на один месяц для сбора материала по геоморфологии и новейшей тектонике. Зима ушла на обработку собранного материала и подготовку научного отчета. Он был заслушан на заседании ученого совета института и одобрен. Но еще в процессе обработки материала и эпизодических консультаций у Пронина я понял, что геоморфология и новейшая тектоника Урала его не интересуют. Сам он занимался изучением Урала палеозойской эры.

Да и вообще началось нечто странное. Директор института стал использовать меня в качестве помощника по административным и хозяйственным делам. В таких его намерениях я разобрался не сразу, а потом, разобравшись, вообще отказался выполнять подобные поручения. Рассказал об этом Колесникову, и Борис Павлович посоветовал мне перейти на постоянную работу в Комиссию по охране природы: руководство УФАНа давно обещает выделить штатную единицу для ученого секретаря комиссии. Я готов был перейти на постоянную работу в Комиссию по охране природы, но в 1960 году штатную единицу ей снова не выделили.

Мое положение в УФАНе становилось ненадежным. Весной 1961 года я неожиданно узнал об объявлении конкурса на должность доцента по кафедре страноведения в Московском областном педагогическом институте для чтения лекций и проведения прочих занятий по физической географии СССР. Ученое звание доцента у меня было. Не тратя времени, я съездил в Москву на два дня, переговорил с профессорами Василием Сергеевичем Говорухиным и Владимиром Тимофеевичем Зайчиковым. Оказалось, что Говорухин знаком с моими публикациями по Уралу и – самое главное – слышал обо мне лестные отзывы от Веры Александровны Варсанофьевой*, много лет посвятившей изучению геологии Урала, с которой я был неплохо знаком. Говорухин и Зайчиков предложили мне подать документы на конкурс, что я и сделал. Естественно, что я рассказал об этом Колесникову. Он вздохнул и ответил, что сожалеет, но препятствовать не может. Я был избран по конкурсу и проработал в Московском областном пединституте 25 лет – до самой пенсии.

Еще до моей весенней поездки в Москву Комиссия по охране природы запланировала совершить летом 1961 года несколько командировок для сбора материала о памятниках природы Свердловской области. Борис Павлович просил меня выполнить такую работу, и я с удовольствием взялся за дело. Как геоморфолог, я взял на себя работу по описанию именно таких природных объектов. Вдвоем с Колесниковым мы наметили совершить шесть поездок. Все они были осуществлены мною, некоторые – с помощниками.

Первая поездка была проведена во второй половине мая на скалы Семь Братьев, в окрестностях Верхневинска. Потребовалось оформление особого пропуска, поскольку этот город и его окрестности в то время были строгой-ше засекречены. На обратном пути сделана остановка на станции Исеть и совершен маршрут на скалу Чертово Городище. Вторая поездка состоялась в июне по р. Чусовой от с. Слободы до Верхнечусовских Городков. Подвесной лодочный мотор способствовал быстрому преодолению плесов. Третья поезд-

* *Варсанофьева В. А.* (1890–1976) – геолог. Доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР (1945). Заслуженный (1945) деятель науки РСФСР. Специалист в области изучения геологии Печерского края.

дка проведена в первой половине июля на р. Сергу с посещением местных пещер, а также на р. Уфу в районе Дома отдыха «Сарана» и на г. Кашкабаш. Четвертая поездка – в Смолинскую пещеру на р. Исеть и далее вниз по течению в одноместной резиновой лодке до Каменска-Уральского с посещением береговой скалы под названием «Каменные Ворота». Пятая – на р. Реж от одноименного города вниз по течению до с. Глинского, в той же одноместной резиновой лодке. Шестая поездка – в третьей декаде июля – на Северный Урал. Сначала на скалы-останцы возле Краснотурьинска и Североуральска, затем через Ивдель в пос. Вижай и оттуда вверх по р. Лозьве до скалы Камень Шайтан. Возвращаясь из каждой командировки, я виделся с Колесниковым, и он, естественно, интересовался результатами поездок. Он просил меня не прерывать с ним связь, да я и сам не намерен был это делать. Между нами продолжались переписка и редкие встречи.

Став в 1963 году ректором Уральского университета, а с 1970 года – членом-корреспондентом Академии наук СССР, Колесников не зазнался, сохранил простоту и человечность. Однажды, будучи в Свердловске в середине 60-х годов, я зашел в главный корпус университета (напротив театра оперы и балета) навестить Колесникова. Спросил у секретаря, у себя ли Борис Павлович? Она окинула меня взглядом с головы до ног, поинтересовалась, кто я такой. Я ответил: «Скажите, что пришел Ястребов». Секретарша вошла в его кабинет и тут же вышла: «Войдите». Борис Павлович сидел за большим столом. Мы побеседовали минут десять. Он сказал, что устал от всего, так как постоянно наваливаются всякие, порою неожиданные, а иногда и скандальные дела, в которых приходится разбираться. Прежде, в Институте биологии, было проще. На научную работу времени почти не остается. Поинтересовался моей жизнью и делами. Позавидовал, что ежегодно езжу со студентами на дальнюю практику по географии в разные районы страны.

Каждый руководящий работник, в том числе и ректор высшего учебного заведения, по-своему видит и решает проблемы, возникающие в подведомственном ему учреждении. Я не знаю, не интересовался, с какими важными проблемами приходилось сталкиваться Борису Павловичу и как он с ними справлялся, будучи ректором университета. Но я слышал от нескольких людей, что большинство сотрудников считало его справедливым человеком. А это, пожалуй, одно из наиболее важных качеств любого руководителя. В университете, как и в Уральском филиале Академии наук, он оставил о себе добрую память.

Попутно скажу: один из предшественников Колесникова, тоже ректор Уральского университета, Григорий Иванович Чуфаров, с которым мне приходилось не раз встречаться в первой половине 50-х годов, так «заботился» об университете, что сумел ликвидировать два факультета – географический (с большим удовольствием отправил его в Пермский университет) и геологический (в неменьшем удовольствии передал его Свердловскому горному институту). Именно тогда, в 1955 году, мне и пришлось переехать из Свердловска в Пермь, где я прослужил четыре года.

Последний раз я виделся с Колесниковым за год или два до его отъезда в Крым, когда он уже сдал ректорские дела и заведовал кафедрой геоботаники и почвоведения на биологическом факультете Уральского университета, размещавшейся в другом здании, на улице Куйбышева. Я зашел к нему, чтобы повидаться и проконсультироваться по вопросу освоения лесов и лесных ресурсов Урала в XVIII – XIX веках для моей научной работы. Он ответил, что

современное состояние лесов на Урале ему известно, а что касается освоения их в прошлые столетия, то материал по этому вопросу надо искать в литературе. С ходу назвал несколько источников. Некоторые из них мне были известны, кое-что нет. Выглядел Борис Павлович неплохо, был доволен тем, что после ректорства снова появилась возможность заняться научной работой.

А теперь о том, каким запомнился мне Борис Павлович Колесников как человек. Слышал отзывы о нем от других людей в Свердловске, а также в Алуште от научного сотрудника Крымского заповедно-охотничьего хозяйства Елены Алексеевны Пясецкой, которой приходилось встречаться с ним в последние годы его жизни.

Борис Павлович был хорошим организатором, что наглядно проявлялось на примере руководства им Комиссией по охране природы. То же я слышал и от сотрудников лаборатории лесоведения, заведующим которой он был. Четко представлял себе цели и задачи руководимой им Комиссии по охране природы, а также лаборатории лесоведения. Он не раз говорил, что каждый человек должен хорошо представлять себе свои задачи и планировать то, что реально может выполнить. Был немногословен.

Человеком он был принципиальным, говорил правду в глаза. Не терпел бездельников. Всегда был против расплывчатых и неопределенных решений и постановлений. Я нередко слышал от него недовольные слова о том, какие расплывчатые постановления нередко принимались руководством УФАНа. Это, как он считал, делалось с той целью, чтобы можно было выкрутиться при проверке исполнения принятого решения.

Главным критерием при подборе людей Борис Павлович считал их практическую деятельность, способность честно трудиться, что было наглядно видно на примере коллектива его лаборатории лесоведения. Как в лаборатории, так и в Комиссии по охране природы он постоянно следил за тем, чтобы вся документация и прочие материалы хранились в определенных местах и чтобы при необходимости любой документ можно было быстро найти. В мою бытность бумаг в Комиссии по охране природы было еще немного, и мы с Борисом Павловичем всегда знали, где и что хранится.

Колесников не столько требовал, сколько высказывал пожелание, чтобы своевременно выполнялись поручения. Он понимал, что не все удастся выполнить в срок при существовавшей бюрократической системе. На поступающие в комиссию запросы, письма, другие документы он сам обычно писал краткие ответы. Иногда просил меня напечатать их на машинке, что я и делал.

Когда к Борису Павловичу обращались с той или иной просьбой, он не спешил ответить, а взвешивал свои возможности, например в опубликовании чьей-нибудь статьи, в помощи иногородним или местным краоведам. Случаи невыполнения обещанного были редки и зависели не только от него самого.

Колесников говорил, что прежде, в годы службы на Дальнем Востоке, часто выезжал в экспедиции. На Урале ему удавалось это редко. Здесь его часто отвлекали организационные дела. Но научную работу, будучи сотрудником УФАНа, он никогда не прекращал. Свидетельством тому являются многочисленные статьи, в том числе и крупные, причем, не только лесоводческого содержания, но и природоохранные.

Я знал всех сотрудников его лаборатории, и не помню, чтобы кто-нибудь из них неодобрительно отзывался о своем заведующем. Это, однако, не означало, что у него не было недоброжелателей за пределами лаборатории. Их не

могло не быть хотя бы потому, что, как я уже говорил, Колесников не терпел бездельников и подхалимов.

Колесников был выше среднего роста, стройный, худощавый. Лицо, всегда серьезное, может быть, выглядело даже строгим. У него постоянно был вид думающего человека. Думая он мог, как мне казалось, только о деле, поскольку и говорил почти всегда о деле. Когда начинался разговор, то перед собеседником предстал простой человек и эрудированный специалист, глубоко веривший в правоту своих взглядов и научных убеждений. Говорил кратко, четко, без лишних слов, довольно монотонно и приглушенным голосом, а порою даже тихо. Я не разу не видел, чтобы он «взрывался» или скандалил с кем-нибудь.

Борис Павлович редко улыбался и смеялся, не знаю, как он относился к шуткам и анекдотам. Не помню, чтобы я когда-нибудь слышал от него о каких-нибудь сплетнях, какими, порой, делились между собою сотрудники УФАНа, в том числе и мужчины. Никогда не спрашивал у меня о моей семье и не говорил о своей.

Одевался просто и скромно, выглядел подтянутым. За время работы в Комиссии по охране природы я не разу не видел его в модном костюме или в модном пальто и шляпе. Пальто носил далеко не новое и обычно ходил в кепке, реже в шляпе. В руке – выдавший виды портфель или полевая сумка на ремне через плечо. Но когда я зашел к нему в ректорский кабинет, то сразу обратил внимание на хороший новый костюм и подтянутый галстук на белой рубашке. Понял, что новая должность в многотысячном коллективе потребовала от него и нового внешнего вида.

На идеологические темы мы с ним никогда не разговаривали, даже и не касались их. Не придавали значения тому, что находились по разные стороны незримой, но реально существовавшей грани (он был членом КПСС, я – беспартийным). Несомненно, партийный билет помог ему в ту пору стать ректором университета и быть избранным в члены-корреспонденты Академии наук.

Жил Колесников совсем близко от Ботанического сада, на территории которого находился Институт биологии. Его домашний адрес был такой: Свердловск, ул. 8 Марта, д. 179а, кв. 19. Дома у него я никогда не был, а точный адрес знаю по письмам, которые получал от него. У меня сохранилось 10 писем от Бориса Павловича Колесникова, подлинники которых сданы вместе с моим личным архивом в Государственный архив Свердловской области (ГАСО)*.

08.07.1972 г.

Многоуважаемый Евгений Вениаминович!

Наконец, прочитал Вашу статью (с интересом) и могу высказать о ней свое мнение. В ней собрано много интересных и новых фактов, поскольку учтены значительные по объему архивные данные, ранее, по-видимому, не публиковавшиеся. Однако Вы почему-то не использовали многие источники по истории лесного дела на Урале, вышедшие в свет в 40–50-х годах из-под пера специалистов-лесников. Часть из них я перечислил на обороте стр. 2 Вашей рукописи. В них затронуты и сходно освещены те же вопросы, которых касаетесь и Вы. Думаю, что Вам следует учесть эти материалы.

* От редакции: ниже публикуется одно из них.

Затем, один Ваш вывод несколько противоречит фактам. По традиции, Вы пишете, что в прошлом хозяйство в уральских лесах велось хищнически и привело к их истощению. Но ведь сейчас-то мы рубим на Урале, в той же Свердловской области, леса, возникшие на лесосеках «демидовских», и заготавливаем, вот уже на протяжении скоро 20–30 лет, на тех же площадях ежегодно по 15–30 млн м³, т. е. столько же, сколько заготавливали Демидовы, и даже больше. И современное отношение к уральским лесам ничем не отличается от отношения к ним дореволюционных заводчиков.

Да, еще одно обстоятельство. По всем данным средняя лесистость «Пермской губ.» (не Оренбургской и не Уфимской, конечно) практически не изменилась за прошедшие 200 лет. Все та же – в среднем 60–70 %.

Видимо, традиционная фраза о «хищничестве» и его последствиях дореволюционных лесозаготовителей на Среднем Урале требует каких-то оговорок или иной трактовки.

И наконец, в ряде мест Вы производите суммарные подсчеты заготавливаемой древесины и вырубавшихся площадей, выражая это в кубических саженьях и квадратных верстах. Нельзя ли такие суммарные, итоговые цифры сопровождать пересчетом (в скобках) на современные метрические меры, чтобы читатель без специальных подсчетов мог наглядно представить масштабы и соотношения этих показателей прошлого с современными.

В целом работа интересная и публиковать ее следует.

Между прочим, сходными исследованиями на Д. Востоке в ДальНИИЛХа занимается А. С. Шейнгауз. Недавно он опубликовал оригинальную по методике расчетов и по результатам работу о потреблении древесины населением разных зон Дальнего Востока в палеолите, неолите, бронзовом и железном веках. У меня этой статьи под руками нет, и я не могу дать Вам библиографическую справку. Помню только, что статья опубликована в одном из последних сборников трудов Дальневосточного научно-исследовательского института лесного хозяйства (Хабаровск) за 1968–1971 гг. Есть у него работы и по потреблению древесины в Приамурье после его присоединения к России. т. е. в дореволюционное время. Все эти работы интересны в методическом отношении как пример исследований по исторической географии. Ну, история. И все – основное.

Желаю Вам успехов.

С искренним уважением, Б. Колесников.

P.S. Рукописи вышли на днях заказной бандеролью. Б. К.

**В. Н. Большаков,
Л. Н. Добринский**

АКАДЕМИК С. С. ШВАРЦ – СОЗДАТЕЛЬ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ ЭКОЛОГОВ

История науки знает примеры, свидетельствующие о большой роли таланта и организаторских способностей отдельных исследователей в становлении и развитии научных направлений. В области экологии одним из таких ученых был академик Станислав Семенович Шварц. Выдвинутые им идеи и положения позволили